

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ**

INDEX LIBRORUM

ТОМАС ПИНЧОН

ВНУТРЕННИЙ ПОРОК

СЕМЕН ЗЛОТНИКОВ

ПОСЛЕДНИЙ АПОКРИФ

ТОМАС ПИНЧОН

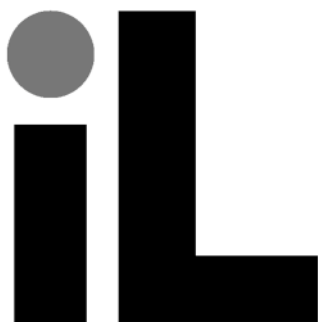
ВИНЛЯНДИЯ

ВЛАДИМИР РАФЕЕНКО

ДЕМОН ДЕКАРТА

ТОМ ВУЛФ

ГОЛОС КРОВИ

INDEX LIBRORUM

ДНЕВНИК ОДНОГО ТЕЛА

ДАНИЭЛЬ ПЕННАК

Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
П 25

Daniel Pennac
JOURNAL D'UN CORPS
Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2012
Photo Catherine Hélie © Editions Gallimard.

Перевод с французского *С. Васильевой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Пеннак, Даниэль.
П 25 Дневник одного тела / Даниэль Пеннак ; [пер. с фр. С. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Index Librorum: интеллектуальная проза для избранных).

ISBN 978-5-699-72225-9

«Дневник одного тела» — книга-провокация, книга-вызов. Герой Даниэля Пеннака ведет дневник своего тела — предельно откровенный, шокирующий. У него нет необходимости скрывать от самого себя слабости, фобии, низменные желания.

День за днем он исследует собственное тело, свои ощущения и переживания.

Мальчик — юноша — зрелый мужчина — старик. Каждый этап жизни героя сопровождается новыми открытиями, изменениями в его восприятии самого себя.

И мы понимаем, как заблуждаются те, кто разделяет духовное и телесное, считая первое возвышенным, второе же — низким и обыденным. Душа и тело связаны, и, по сути, всю жизнь человека можно уложить в те изменения, которые происходят с его телом.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Васильева С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014
ISBN 978-5-699-72225-9

— ПРЕДИСЛОВИЕ —

Моя дорогая Лизон – мой старый, незаменимый и очень непростой друг Лизон – обладает даром делать страшно неудобные подарки, вроде этой незаконченной скульптуры, занимающей две трети моей комнаты, или холстов, которые она развешивает на просушку у меня в коридоре и в столовой под предлогом, что у нее в мастерской стало слишком тесно. Вы держите в руках последнее ее подношение – последнее по времени. Как-то утром она явилась ко мне, расчистила место на столе, где я только-только собрался позавтракать, и вывалила на него грудку тетрадей, оставленных ей недавно умершим отцом. Судя по покрасневшим глазам, она читала их всю ночь. Тем же самым занимался в следующую ночь и я. С отцом Лизон – молчаливым, ироничным, прямым, как восклицательный знак, осененным международной славой старого мудреца, которой он не придавал никакого значения, – я встречался раз пять или шесть в жизни и всегда робел перед ним. И если есть что-то такое, чего я в нем и представить себе не мог, так это то, что он всю свою жизнь писал эти записки! Совершенно ошарашенный, я спросил мнения моего друга Постеля, долгое время бывшего его личным врачом (точно так же, как он был врачом семьи Малосеннов). Ответ последовал в ту же секунду. Публиковать! Без

колебаний. Отправляй это своему издателю, и публикуйте! Оставалась одна проблема. Убедить издателя опубликовать рукопись известного человека, требуя при этом сохранить имя автора в тайне, — дело непростое! Должен ли я испытывать угрызения совести, вынудив честного и респектабельного труженика печатного слова оказать мне такую милость? Судить вам.

Д. П.

3 августа 2010 года

Милая моя Лизон!

Вот ты и пришла с моих похорон, вернулась к себе домой, грустишь поди, правда? Но тебя ждет Париж, твои друзья, твоя мастерская, несколько незаконченных картин, твои многочисленные проекты, среди которых декорации для Оперы, политика, будущее близняшек – тебя ждет жизнь, твоя жизнь. И вот пришла ты домой, а там – сюрприз, письмо от мэтра Р., которым он в нотариальных выражениях извещает, что у него имеется некий пакет, оставленный твоим отцом и предназначенный лично тебе. Ну и ну, подарочек от папы с того света! Ты, конечно, сразу же бежишь туда. И нотариус вручает тебе занятный презент – мое тело, ни больше и не меньше! Нет, конечно, не настоящее тело из плоти и крови, а посвященный ему дневник, который я пописывал потихоньку на протяжении всей жизни. (Только твоя мама знала – в последнее время.) Вот такой, значит, сюрприз. Папа вел дневник! Что это на тебя нашло, папа? Ты, такой утонченный, такой недоступный, и вдруг – дневник! Да еще и на протяжении всей жизни! Но не личный дневник, доченька, ты же знаешь мое предубеждение против всех этих подробных описаний изменчивых состояний души. И о моей профессиональной деятельности ты там тоже ничего не

найдешь, как и о моих убеждениях, о лекциях, которые Этьен высокопарно называл моими «сражениями», — ничего ни об общественной жизни твоего отца, ни о мире вообще. Нет, Лизон, это действительно дневник моего тела.

Ты будешь тем более удивлена, что твой отец никогда не был особо «физическим». Думаю, ни мои дети, ни внуки ни разу не видели меня голым, разве что в купальном костюме, и то очень редко, и уж никогда им не случалось наблюдать, как я поигрываю бицепсами перед зеркалом. Думаю также, что я — увя — не был особенно щедр на ласки. А уж говорить с вами — с тобой и Брюно — о своих болячках — боже упаси! Лучшие умереть, что, впрочем, и произошло, но только после того, как дни мои были хорошенько сочтены. Тело никогда не было темой наших разговоров, и я предоставил вам с Брюно самим разбираться с вашими развивающимися телами. Только не подумай, что это всё от равнодушия или от какого-то особенного целомудрия; я родился в 1923 году и был просто обыкновенным буржуа своего времени, из тех, кто употребляет точку с запятой и никогда не выходит к завтраку в пижаме, а непременно после душа, свежесбритым и надлежащим образом затянутым в дневной костюм. Тело — это изобретение вашего поколения, Лизон. По крайней мере, в том, что касается его использования и демонстрации. А вот взаимоотношения, которые поддерживает с нашим телом — этим мешком с сюрпризами, этим насосом, неутомимо качающим отходы нашей жизнедеятельности, — наше сознание, обходят таким же глубоким молчанием, как и в мое время. Если приглядеться повнимательнее, можно было бы заметить, что нет людей целомудреннее, чем самые беситанные порноактеры и самые голые труженики боди-арта. Что же касается врачей (кстати, когда тебя последний раз прослушивали?), наших, сегодняшних,

то тут все просто: они до тела уже не дотрагиваются. Оно стало для них чем-то вроде клеточного пазла: его просвечивают рентгеном, делают ему эхографию, сканируют, исследуют, – тело биологическое, генетическое, молекулярное, чуть ли не антитело. А знаешь, что я тебе скажу? Чем больше его исследуют, чем больше разглядывают, тем меньше его становится. Оно аннулируется обратно пропорционально энтузиазму, с которым его выставляют напоказ.

Свой дневник я писал о другом теле – о нашем спутнике, о машине, благодаря которой мы существуем. Правда, дневник – это слишком сильно сказано, не думай, что ты найдешь в нем какие-то исчерпывающие сведения, нет, это вовсе не описание моей жизни от двенадцатого до восемьдесят восьмого и последнего года, день за днем, скорее – сюрприз за сюрпризом (на них наше тело не скупится), между которыми будут долгие пропуски, ты сама увидишь, там, на жизненных пляжах, где тело позволяет себе забыться, а нам – забыть о нем. Но всякий раз, когда мое тело являлось моему сознанию, оно заставляло меня с пером в руке, готовым со вниманием вникнуть в очередной его сюрприз. И эти явления я описывал как можно тщательнее, используя подручные средства, без малейшей претензии на какую-либо научность. Таково, возлюбленная моя дочь, мое наследство: речь идет не о трактате по физиологии, а о моем сокровенном, о некоем тайнике души, который во многих отношениях мы воспринимаем как нечто самое обыденное. Я доверяю его тебе. Почему именно тебе? Потому что я обожал тебя всю свою жизнь. Я не говорил тебе этого при жизни, так доставь же мне посмертное удовольствие и позволь признаться в этом. Если бы Грегуар был жив, я, конечно же, завещал бы этот дневник ему: он заинтересовал бы его как врача и повеселил бы как моего внука. Господи, как я любил этого маль-

чика! Грегуар, так рано умерший, и ты, ставшая бабушкой, – вот мое счастье, мои пожитки, мои припасы на дальнюю дорогу. Ладно. Хватит излияний. Поступай с этими тетрадами как тебе заблагорассудится. Отправь их на помойку, если мой подарок покажется тебе неуместным, поделись с родными, если так подскажет тебе сердце, опубликуй, если сочтешь нужным. Но в этом случае позаботься об анонимности автора – тем более что он мог бы быть все равно кем, – измени имена людей и географические названия, а то как бы кого-нибудь не обидеть. Не стремись издать все полностью – ты из этого не выберешься. Впрочем, несколько тетрадей за долгие годы потерялось, а в других – сплошные повторы. Пропусти их – я имею в виду, к примеру, детские, где я подсчитывал свои подтягивания на турнике и упражнения для брюшного пресса, или юношеские, в которых с непредвзятостью независимого ревизора я составлял список своих любовных похождений. Короче говоря, делай со всем этим что хочешь, как хочешь – что ни сделаешь, все будет хорошо.

Я любил тебя.

Папа

— 1 —

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
(Сентябрь 1936 года)

Мама – единственная, кого я не позвал.

64 года, 2 месяца, 18 дней
Понедельник, 28 декабря 1987 года

Грегуар с приятелем подшутили сегодня над малышкой Фанни, и их дурацкая шутка напомнила мне самую первую сцену этого дневника, травму, из-за которой он и появился на свет.

Мона, которая обожает устраивать чистки и уборки, приказала сжечь на костре старый хлам, хранившийся в доме со времен Манеса: колченогие стулья, продавленные матрасы, изъеденную жучком тележку, старые автопокрышки — получилось гигантское вонючее аутодафе (выглядевшее все же не так зловеще, как какая-нибудь свалка). Она поручила это дело мальчикам, которые тут же решили поиграть в суд над Жанной д'Арк. Меня оторвали от работы вопли малышки Фанни, которую взяли на роль святой. Весь день Грегуар с Филиппом расписывали ей заслуги Жанны д'Арк, о которой Фанни в свои шесть лет и слыхом не слыхивала. Они так блестяще обрисовали ей преимущества райской жизни, что малышка захлопала в ладоши и запрыгала от радости в предвкушении жертвы. Но стоило ей увидеть костер, в который ее предполагалось бросить живьем, как она с воплями кинулась ко мне (Моны, Лизон и Маргерит не было дома). Она вцепилась в меня крохотными ручками, словно перепутанная птичка

коготками. Дедушка! Дедушка! Я попытался утешить ее при помощи обычных «ну-ну-ну», «все прошло», «ничего страшного» (на самом-то деле все как раз было очень даже страшно, но я на тот момент был не в курсе их планов относительно этой канонизации). Я усадил ее к себе на колени и почувствовал, что она вся мокрая. Более того — она даже наложила в штанишки, то есть обделалась от страха. Сердечко ее билось с ужасающей скоростью, и она часто-часто дышала. У нее были так стиснуты зубы, что я даже испугался, уж не столбняк ли это. Я посадил ее в горячую ванну, и там она рассказала — урывками, между остатками рыданий, — о том, какую судьбу уготовили ей эти болваны.

И вот я перенесся в прошлое, в день, когда завел этот дневник. Сентябрь 1936 года. Мне двенадцать лет, почти тринадцать. Я скаут. До этого я был «волчонком» — эти звериные названия вошли в моду благодаря «Книге джунглей». Теперь я настоящий скаут, то есть — и это важно — я больше не «волчонок», я уже не маленький, я — взрослый. Заканчиваются летние каникулы. Я — в скаутском лагере где-то в Альпах. Мы воюем с другим отрядом, противник украл у нас вымпел. Надо идти и отбить его. Правила игры просты. Каждый из нас носит галстук, концы которого заправлены за пояс шортов. И наши противники тоже. Этот галстук называется «жизнь». Из вылазки мы должны вернуться не только с нашим вымпелом, но и принести с собой как можно больше «жизней». Мы называем их еще скальпами и подвешиваем к поясу. Тот, кто принесет больше всего «скальпов», — грозный воин, великий охотник и настоящий ас — как те летчики Первой мировой, которые украшали фюзеляж своих машин немецкими крестами — по числу сбитых самолетов. Короче

говоря, мы играем в войну. Поскольку меня не назовешь здоровяком, я теряю жизнь в самом начале военных действий. Я попал в засаду. Двое врагов прижимают меня к земле, а третий срывает с меня «жизнь». Потом они привязывают меня к дереву, чтобы я, пусть даже мертвый, не попытался снова ввязаться в бой. И оставляют. Посреди леса. Привязанного к сосне, с измазанными смолой голыми ногами и руками. Враги отступают. Фронт удаляется, я слышу время от времени выкрики, но они становятся все глуше, и наконец все смолкает. На меня обрушивается непомерная тишина. Та самая лесная тишина, которая состоит из множества звуков: потрескивание, шуршание, какие-то вздохи, попискивание, шум ветра в кронах деревьев... Ну вот, думаю я, сейчас появятся звери, потревоженные нашими играми. Не волки, конечно, — я же взрослый, я не верю в волков-людоедов, — нет, не волки, а, к примеру, кабаны. Что может сделать кабан привязанному к дереву мальчику? Да ничего, конечно, он просто его не тронет. А если это будет самка с детенышами? Но мне все же не страшно. Просто интересно, все хочется знать, вот я и задаю себе соответствующие вопросы. Чем сильнее я дергаюсь, пытаюсь освободиться, тем туже затягиваются веревки и тем плотнее прилипает к моей коже смола. А если она засохнет? Ясно одно: самому мне не освободиться, скауты знают толк в вязании узлов — нипочем не развяжешь. Мне очень одиноко, но я не думаю о том, что меня никогда не найдут. Я знаю, что в этом лесу бывают люди, мы часто встречаем здесь любителей пособирать чернику или землянику. Я знаю, что, как только закончатся боевые действия, кто-нибудь придет и меня отвяжет. Даже если враги про меня позабудут, ребята из моего отряда заметят, что меня